

Рс
Б 85

ВСЕЯДИОН

СТИХИ

Олег Барабанов
Сергей Коренастов
Слава Бетонов
Тиберий Закадушный

RECEIVED

P2

B85

36199

Вселядион

14413

В

6

Ковров, 96

5000р

29)

986 14

Библиотека "Всеядиона"

ВСЕЯДИОН

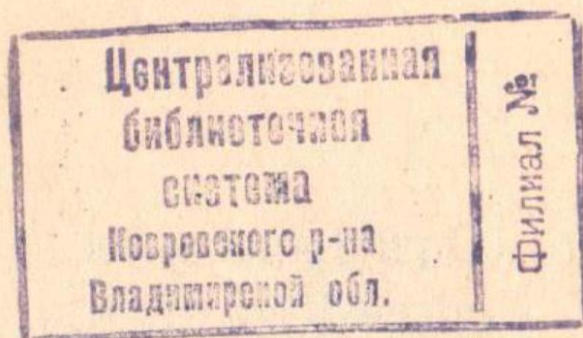
Олег Барабанов
Сергей Коренастов
Слава Бетонов
Тиберий Закадушный

Издательство "БЭСТ-В"
Ковров
1996

Сборник стихов четырех Ковровских
стихотворцев, объединенных содружеством
"Всеядион".

36199 (4/3)

ISBN 5-89312-003-5

© "БЭСТ-В"

ОЛЕГ БАРАБАНОВ

ДЕВИЦЕ, ПРЕДПОЧИТАЮЩЕЙ ЕСЕНИНА

Почему Есенин?
Почему не я —
Современный гений
Стихов сложения?

Менее Сережи
Я голубоок,
И по части рож
Просится упрек.

Шевелюрой пышной
Я не похваюсь,
И меня не слышно,
Если я напыюсь.

Но зигзаг фантаста
Моему уму
Свойственен гораздо
Больше чем ему.

Не в одну деревню
Упираюсь я.
Совмещаю древность
И движенье дня.

Не имев закалки,
Он рыдал на Русь
И в любовной свалке
Пел одну лишь грусть.

Ну, а я, лиричась,
Жилу не тяну
И врагу, набычась,
Ножик не пырну.

Ты меня любила?
Как тебя забыть!
Ты меня забыла?
Так тому и быть!

Для тебя, как солнца,
Нет укоризн,
А Есенин только
Обвиняет жизнь.

Рассуди без нервов:
Кто из нас велик.
Кто из нас во-первых,
И кто во-вторых!

SILENTIUM

Ты меня донимаешь вопросами
Про любовь
И смущаешь глазами раскосыми
Вновь и вновь.

За вагонным стеклом подробностей
Кутерьма.
Кутерьма и в душевной области.
Ты умна.

Ты приводишь примеры верные —
Жизнь подруг,
И супругов поступки вредные,
И — супруг.

Говоришь, что верна лишь опыту
Контрамер,
И тебя не заманит в комнату
Изувер.

А поля набегают шахматно
Вновь и вновь.
Про себя отмечаю: бархатна
Твоя бровь.

Знаю, хочешь ты вальсов Штрауса,
Синевы,
И внушенного ими пафоса.
Но, увы.

И смолчу я. Лишь пищу грубую
Предложу.
А того, что об этом думаю,
Не скажу.

И протянется эта пауза
Сотню лет.
Возбужденная ждет красавица.
Молчит поэт.

ФЕИ, ПЧЕЛЫ И ЦВЕТЫ

Непонятна, беспокойна
Эта повесть без прикрас.
Стебель жизни, стебель стройный
Зацветает только раз.

Над роскошными полями
Наслаждений и тревог
Прошумит сухое пламя,
И обуглится цветок.

И пчелою прожужжавшей
Время выскажет укор,
И отклонит опоздавший,
Исцеляющий укол.

В светлый день восьмого марта
Воскрешается цветок,
И доверчивость подарка,
И пчелиный хоботок.

И кружатся в легком танце
Феи, пчелы и цветы,
И примеривают шансы
На красоток мудрецы.

И смеющиеся струны
Вновь танцовщицам звенят,
Что они свежи и юны,
Как и год тому назад.

Но разводит добрый гений
Расшалившихся тогда,
Чтобы факел вдохновений
Не погаснул навсегда!

* * *

Не раз удаче улыбнешься,
Своей поклонись звезде,
И от восторга захлебнешься,
И — релеве, и — фуэте!

Подступят беды — отобьешься.
Опять зашьешься в суете.
Но от забот всех оторвешься
Для релеве и фуэте.

Когда же утром не проснешься,
Или очнешься на кресте,
— Ну, дуй, душа! — И ты взовьешься.
И релеве, и фуэте!

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА

1.

Явилась девушка, прелестное создание
И ангельский, должно быть, голосок.
Я спросил: «Какие ваши знания?
Что суть есть интеграл?»
И — Ужас обволок!

2.

Ее лицо перекосилось вмиг,
Как будто преисподняя проснулась.
И шейка тонкая, изображая крик,
Внезапно по лягушачьи надулась.

Щека покрылась пятнами одна,
Другая побледнела монотонно,
И замогильно выгнулась она,
И что-то промычала похоронно.

Но что страшней всего — кривая борозда
Ей рассекла лицо, как будто его грызли.
Вам не понять, как понял я тогда:
Что это шрам от первой в жизни мысли!

3.

Я не палач!
Но и не врач, друзья!
Поставить «уд»?
А если шрам оставляю?
Спаси Господь!
И «отл» поставил я,
Чтобы смягчить невиданную травму!

4.

Вновь расцвело прелестное создание,
Пропело благодарность, и —
Адью.

5.

С тех пор такие сложные задания
Я девушкам красивым
Не даю.

6.

Вот
 же
 я —
Во-
 ро-
 же-
 я!!!

АКРОСТИХ

Сладко о нашем свиданьи мечтая,
Вдруг я на мысли тревожной застрял:
Если любовница будешь плохая,
То потеряю я свой идеал!
Лучше представлюсь тебе как дистрофик,
Акту любви безнадежно чужой, —
Не подвергать же себя катастрофе,
Если любовницей будешь плохой!

АКРОСТИХ

Как ливанской чаровнице,
Абрикосовым чертам
Триста тысяч ассирийцев
Юность бросили к ногам.
Шли в подарочном обозе
Африканские слоны,
Мамелюки деве-розе
Отдавали полстраны.
Ярко кончился в итоге
Мошный митинг мужьих сил. —
Удадитесь, носороги!
Задержись лишь ты, что в тоге.
Ах, Тиберий, как ты мил!

КУРТУАЗНЫМ МАНЬЕРИСТАМ ПО СЛУЧАЮ ИХ ВТОРОЙ КНИЖКИ

(акростих)

Веруя в зверские правила,
Амдермой я прозябал —
Деву, которая нравилась,
Из состраданья не брал.
Мохом филистерской глупости
Уж было вовсе зарос —
Кроме того что не щупался,

Острый не ставил засос.
Но как-то раз, мимо столика
С книжками, шел на вокзал,
Тупо взглянул на символику,
Achtung! — услышал сигнал. —
Ну-те-ка, дайте мне эту вот
Тонкую книжку! — И сгреб
Эквивалентно заветную,
Нужную даже для толп.
Утлое, грубое, дрянное,
Ад коим душу сосет,
Не дожидаясь, отпрянуло,
Делось куда-то. И вот
Разом признал идеальное,
Если бы сам записал
Южные эти, финальные,
Вопли в отверстиях скал,
Идол Приапа немислимый,
Круг очарованных фей,
Тео и физио-истины
Онтологический клей.
Радуюсь, все это выследив
Ушлой из книжицы сей!

АЛЬБАТРОС

От женщин с юности в восторге
Находится любой мужчина.
Он их катает на моторке
Очаровательно невинно.

Они, не чувствуя досады,
Сидят покорно на корме.
А он, не требуя награды,
На остров правит поскорей.

Они выходят на песок.
Вокруг заведомо пустынно.
Он растянуться их зовет
Очаровательно невинно.

Потом опять дрожит моторка.
В прохладу погружая зной,
Садится солнце за пригорок,
И тот становится горой.

Все обнимает чернота.
Моторка мчится на ветру.
Не отрываясь от винта,
Мужчина смотрит на корму.

Там затаенно, но подспудно
Незлые женщины сидят.
Блистательное это судно
Привычным стало, как лохань.

Им холодно в вечерний час.
Но вот приехали как раз.
— Прощайте, — машет альбатрос, —
А я с бензином повожусь. —
И те уходят горделиво
По теплой пятками тропе.

ФЕМИНОЗА

Суди о женщине по лучшим
Тебе известным образцам,
Ведь истина намного глубже
Открытых взору мелодрам.

И для любого превосходства
Есть возведение в квадрат.
Не клад ли мисс Петрозаводска?
Но мисс Тамбова — высший клад!

И восходя от эпизода
До теоремы красоты,
От имени души народа
Мечу я женщине цветы.

Уж идеал необозримый
Ее над нами весь в цветах.
И отовсюду пилигримы
Спешат сказать священный «ах!»

Мерцает, разум изумляя,
На электрическом табло
Ее история живая:
Елена!
Ольга!
..... Это кто???

Неважно!
Важен общий принцип:
Действительность гнуснее грез,
Сапожники грубее принцев,
Все запахи слабее роз!

СОВОКУПЛЕТ С ВЕСНОЙ

«Еще, еще!»
Афанасий Фет <1882>

Весны, которую пел Фет,
Давным давно в природе нет.

И наслаждаюсь я иной,
Энергетической весной.

Ведь лучше нету ничего
Ее величественного

Давленья солнечных ветров
На плато облачных бугров.

И ничего прекрасней нет,
Чем мой с весной совокуплет.

Когда, раздвинув пара слой,
Она задышит надо мной,

А я отвечу ей стихом,
Как ослепительным столпом!

... Заспотыкалась в облаках,
И разметалась в цветах!

МОЙ САРКОФАГ

О, женщины, какая тяга
Бывает к вам, бывает к вам!
Я весь — подобье саркофага,
Зарытого для милых дам.

Еще придут археологи,
И наслоенья отгребут,
И скажут истинно:
— О, боги!
Кто спрятан тут?
Кто спрятан тут!

Он был неистовый глашатай
Всех милых дам,
Всех милых дам,
И ограниченный зарплатой
Тянулся к вам!
Тянулся к вам!

Б У Д Е Т !!!

В.В. Жикову

Будут стоять облака,
Будто бы своды лепные.
Будет под ними река.
Будут в ней рыбы живые.

Будет стоять человек
С вечною чашкою чая.
Вот он поднял ее вверх
И говорит прорицая:

— Будут стоять облака,
Будто бы своды лепные.
Будет под ними река.
Будут в ней рыбы живые.

Будет стоять человек
С вечною чашкою чая.
Вот он поднял ее вверх
И говорит прорицая:

— Будут стоять облака,
Будто бы своды лепные.
Будет под ними река.
Будут в ней рыбы живые.

Будет стоять человек
С вечною чашкою чая.
Вот он поднял ее вверх
И говорит прорицая:

Будет ...

БАЛЛАДА О СТЮАРДЕ

В тот год жара была большой
В центральной полосе,
И мрели козы и скворцы,
И мухи на овсе.

Стюард Артур Ошметкин ночь
На вахте отстоял.
Он на двадцатом этаже
Был младший персонал.

С пудовой связкою ключей
Не расставался он,
И шаг его сопровождал
Серебряный трезвон.

Едва живой от духоты
И истощенья сил,
Он утром вышел на балкон,
Рукой ища перил.

А в этот миг тонул в пруду
Под самую стеной
Неосторожный Чарли Смит,
Прельстившийся волной.

Стюарду ж пот застил глаза,
И, жертва слепоты,
Ошметкин сделал лишний шаг
Со страшной высоты.

И вверх рванулись этажи.
Столбом качнулся звон.
Ошметкин крепче сжал ключи,
И грохнулся в затон.

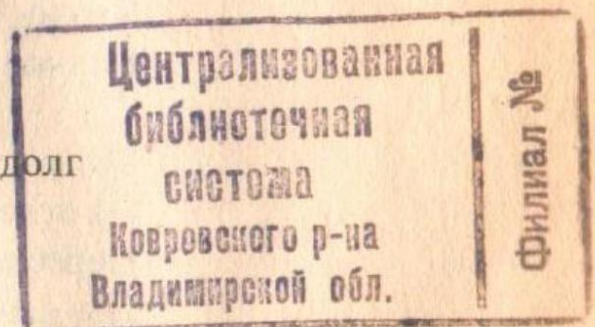
И, как болид, пошел на дно,
Туриста обогнав,
Туда, туда, где все равно, —
В альков подводных трав.

О, миг у бездны на краю!,
Безумною рукой
Турист схватился за ключи
Из связки номерной.

Но, оглушенный и слепой,
В беспомоществе слегка,
Стюард почувствовал рывок
И вздрогнул от рывка.

Отдать ключи?! И зло взяло.
И захотелось жить.
Неимоверно тяжело,
Артур, но надо всплыть.

И он поплыл. Служебный долг
И комплекс ГТО
До фантастических высот
Подняли естество!

... Парило. На берег пустой
Спустился кладовщик.
Лежали два полуживых,
И — связка — промеж них.

Потом была другая новь:
Шампанское рекой,
Стояли Чарли и Артур
За стойкою одной!

А на двадцатом этаже
Отец инвентаря,
Директор гладил те ключи
И плакал втихаря.

ПОЧТАЛЬОН

Две девицы с почтальоном
Загуляли — не шути.
Пропились до медальонов.
Говорят ему: — Веди! —

Он повел их осторожно,
Но дорогу позабыл.
Что ни путь — перегорожен.
Видно, парень перепил.

Вот уперлися в телегу,
На оглоблю оперлись.
Пересиливая негу,
Пьяным глазом напряглись.

Узурпатор конской силы
Широко сидит ямщик.
— Куды надобно? — спросил их.
Отвечают: — Напрямик.

— Дак, садитесь. Пассажиров
Образованных люблю.
Прокачу вас что есть силы,
Хоть бы коней погублю. —

Повалилася компанья,
Затянула «Еду к ней».
А вокруг мелькают зданья.
Всюду тысячи огней.

Все трясется и смеется.
Пьяной грушей пляшет грудь.
А ямщик не обернется
И не спрашивает путь.

Отстучала мостовая.
Поворачивать резон.
Часто чавкает кривая
Колея под колесом.

Черный холод скорчил тело.
— Что ты, малый, приутих?
Али стало не до девок,
Полюбовниц дорогих? —

Только кнут свистит зловеще,
Будто надвое сечет.
— А я думал: ты — помещик. —

... Перекошен женский рот.

Серый мальчик деревенский
На костре картошку пек.
Вдруг, как адова повестка,
То ли лошадь, то ли черт.

С вертикальной поясницей
Вырос в пламени ямщик.
Девять пленниц в колеснице.
Все пропало в тот же миг.

Долго он стоял сторожо,
Этот мальчик, чуть живой:
«За краденую картошку
Поплачусь я головой».

Больше их никто не видел.
И никто не услышал.
Мальчик в люди после вышел.
Почтальоном мальчик стал.

ПО - БРАТСКИ

— Кого жалеть, коль каждый в мире странник.
А я гляжу — ты сопли распустил.
Один был странник. А другой — охранник.
Один побег, а тот ему всадил.

О всех ушедших грезит коноплянник.
Да ты постой! Рассказ еще не весь.
Сел на губу промазавший охранник.
А странник сбег. И это я и есть.

Пруд голубой и прочая природа
Мне потому поэтому не в лист.
Да и дружок твой — как его — Серега —
Был скандалист. А я — рецидивист. —

И прочь поплыл лелеемый по-братски
В многовеликодышащей Москве
Его кепарь,
Сидящий заливчатски
На волевой, буранной голове.

Я — ВСЕМ

«У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет.»
А.Фет

Зачем калмыкам и зырянам
Нести мне свой любимый труд?
Многоязычным караваном
Пускай они ко мне идут!

И отпущу я им с балкона
Стихов, что стаю голубей,
Орлов сорву им с небосклона
Для развлечения детей.

В шумящий ядерной посудой
Двадцатый и двуглавый век
Перед космической простудой
Ты беззащитен, человек.

Иди ко мне на тренировку,
На пальпировку и массаж,
Души лохматую веревку
Я размотаю напоказ.

Я был такой же. Плебсом, смердом
Влачился, избегая бед.
Но вот глаза промылись небом,
И в голове забрезжил свет.

Пусть улыбаюсь пломбировкой,
Пусть наряжаюсь как лакей,
Иди ко мне на тренировку,
Моею рифмою владей.

Моею радуся подругой,
Моею речкою плыви,
Дыши, дрожи моею вьюгой,
Моим рыданием реви.

Мою кондовую науку,
Переиначь и поистрать,
И лишь про рифму и подругу
Слова не смей переставлять.

Мои посредственные чресла
Используй под свое бревно,
Садись передо мною в кресла,
А я — так на пол. Все равно

Я отпускаю всем с балкона
Стихов, что стаю голубей,
Орлов срываю с небосклона
Для развлечения детей!

АППЕНДИЦИТ ХРИСТА

Угрюмая река между строений низких
Как будто не течет, застывши навсегда.
Угрюмый рыболов с ухмылкой сатанинской
Следит за поплавком с угрюмого моста.

Угрюмым карасям чужда его забота,
Но вовсе не чужда приманка червяка.
Угрюмей всех червяк. Он с рыболовным спортом
Отныне на ножах. Он прав наверняка.

Тоскует рыболов, что труд его напрасен.
Тоскуют караси, приманку разгадав,
Но больше всех червяк тоской обезображен —
Распятому Христу он, в сущности, собрат.

Когда тебе, мой друг, судьба назначит место
Бедняги карася, — пусть сердце не болит.
Несчастнее чем ты, весь в мимике протеста,
Есть мученик червяк — Христа аппендицит!

ВЕСНА ПРОФЕССОРА

В окно посмотришь — улица в цвету,
И тонко обоняешь красоту.

На небо взглянешь — тают облака,
И отлетает бурная тоска.

На травку взгляд опустишь из окна —
Она нежна. Ах, как она нежна!

Взгляд устремишь за дальний горизонт —
Ты прелесть, тучка, ведь со мною зонт!

Куда не взглянешь в дырку без стекла —
Везде весна, роскошна и тепла.

Но — 9.20! Собираю взгляд,
Его, как невод, волоку назад,

Чтоб вытряхнуть на мелкостный народ
Весь этот сад, весь этот огород!

ПАЛАТА N5

К тебе, мой друг похмелием томимый,
Опять пришел медбрат неумолимый,

Чтоб, так сказать, исполнить приговор,
И влить в тебя целительный раствор,

Сей элексир чудесного значенья
И всяческого умопросветленья.

Бери и пей с особой остротой
Безалкогольно сделанный настой!

Но, грубый раб совсем другого зелья,
Ты жаждешь лишь угрюмого веселья,

Чтоб детскими слезами разрыдаться,
Иль по-есенински веревкой обвязаться.

И вот берешь с капризною тоской
Напиток мой, бокал очередной.

И с отвращением на пол его плескаешь.
И радугу внезапную пинаешь.

Но запахом цветов над этой суетой
Вовсю господствует уже напиток мой.

И, исчерпав последние проклятья,
Ты валишься, как сноп, в мои объятья.

ВСЁ В МИРЕ

Всё в мире смочено слюной —
Тычинки липкая головка
И незаметная поклёвка
Под мутной толщей водяной.

Всё в мире смочено слюной —
И клейка чешуя у рыбы.
Слюна небес — в дожде весной.
Слюна любви — в твоей улыбке.

Слюной земли маслёнок льнёт
К рукам грибниц в лесу осеннем,
А у гробницы древний свод
Заплесневел слюной забвенья.

Мохнатый палец послюнив,
Бог книгу времени листает,
Поругивает тех, кто жив,
А над умершими вздыхает.

Потом ложится он соснуть,
И над крутой его спиною
Всю ночь искрится Млечный Путь
Астрономической слюною!

А Я ХОТЕЛ БЫ

Н. Макаровой

Живём на людях будто в чаше,
Три слова там, два слова тут,
А я хотел бы быть почаще
С той, что не мнит себе за труд

Последнее стихотворенье
Мое послушать с умилением.

Рычим, бурчим, друг друга ловим,
Во всём срываемся на спор,
А я хотел бы — без условий,
Как с той, с которой с давних пор

Имел взаимопониманье
И речь на грани волхованья.

Прекрасно все-таки кругом!
И счастья многого не надо.
Достаточно бывает взгляда,
И остановимся на том.

ПОЭТ И ДЕВА

Три родинки — три родника —
На шейке белоснежной этой,
И хочется не утихать
И хвастаться своей поэзией.

Три родинки — о многоточье! —
Позволю ль паузу, когда
Три поцелуя ненарочных
Нарочно целятся сюда.

Три родинки — о триолет
Пунктира мет великолепных
И пульса аккомпанемент
Волн чувственных и нег целебных.

Три родинки — три карты ночи...
Но, сам себя опередив,
Решаю вдруг:
Для словотворчеств
Мне нужен кооператив!

И, став мгновенно равнодушен,
Я удаляюсь в туман,
Где ждет меня здоровый ужин,
Рабочий стол, и четкий план:

Да!
Кооператив!
Корреспонденток дорогих!

ЖЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

Среди всех прочих праздник женский
Имеет яркий перевес,
Как персональный, как вселенский,
Оздоровительный процесс.

Душа ликует, а не ропщет,
Языком сердца говорит,
И очищается источник,
И воскрешается пиит.

И все усталые калеки,
Кому отрезали любовь
Кино, вино, и дискотеки,
Пред женщиной упали вновь.

— Владей, — кричат они, — навеки
Надеждой, памятью, мечтой,
И не забудут человеки
Твои дары и образ твой.

Владей и действуй произвольно,
И только чувству доверяй,
И этот мир многоугольный
Настрой и бегло проиграй.

И этой музыке послушен,
От гиблых взмоет дел герой,
Удачлив, дерзок, и напряжен:
— Эван-эвое?!
— Ой-ё-ёй!!!

ПОГЛОЩЕНИЕ

Чебуреки поглощая,
Вы сидели предо мной —
Вся красивая такая,
Поглощаемая мной.

На сияние покоя
Скоро лик свой изменя,
Этой новой красотой
Доконали вы меня.

И, охваченный мечтами,
С грустью думаю, смущен,
Что я вами, вами, вами
Абсолютно поглощен.

(Электропоезд Москва-Владимир)

ЧЕГО-ТО НЕ ХВАТАЕТ

Живу, дышу, и горя нет.
Ни тварь, ни хмарь не докучает.
Но просыпаюсь чуть свет,
И всё чего-то не хватает.

Пусть говорят мне: ободрись,
Уже труды твои читают,
Где что ни слово — афоризм!
А всё чего-то не хватает.

Но я зашел вчера в тоске
В картонный тамбур филиала,
И в объявлениях на доске
Меня заинтересовало

Вдруг объявление отпусков.
Пять, десять строк, еще усилье —
И дрогнул века лепесток,
И затуманилась фамилья.

Я отшатнулся от стены,
Я подскочил опять, не веря, —
И снова чувства смятены,
И снова сердце перемерло.

Но это был всего лишь миг.
Ушёл понурый и сердитый,
Чтобы в кургане тёмных книг
Похоронить звериный крик
И этот лик полузабытый.

И вот по-прежнему живу.
Пишу. Пью кофе с пирожками.
Дождусь, как солнце в синеву, —
Ложусь с девицами в траву.
А всё чего-то не хватает.

Качу то в Нижний, то в Москву,
Везде поклонницы встречают,
Везде встречаю похвалу
И благосклонную молву.
А всё чего-то не хватает.

Не доверяй календарю,
В нем все чего-то не хватает.
И пусть я много говорю,
А всё чего-то не хватает!

МИНАРЕТ

1.

Много ли, много ли радостей
В жизни моей предположено?
Нету ответа безжалостней:
Мало в сей жизни хорошего.

Десять годков безмятежности,
Десять ещё беспросветного
Пьянства. А сколько для нежности?
Сколько для взгляда рассветного?

Так размышляя, горюнился
На семинаре итоговом.
Будто под лунными дюнами
Горбилась память убогая.

И поднимались к поверхности
Лунной души испарения —
Смрад прозаической мерзости,
А не туман вдохновения.

Чёрствая, злая, упрямая,
Неблагодарная, старая,
Что ж шевельнулась, душа моя,
Ты вдруг за партой шершавою?

Бесом каким ли встревожена,
Или весной прихотливою?
Вдруг взволновала похожестью
С зазеленевшею ивою.

И отвечала волшебная,
Нежная, нервная, юная,
Нетерпеливою ведьмою
Над задрожавшими струнами:

— Не сокрушайся, о юноша!
Ложны твои меланхолии.
Сны-то твои все про южное
Море в объятьях магнолии.

Женщины машут там шляпками,
Девушки прыгают с брызгами,
Под расписными палатками
Пиво дают там с сосисками.

Сам ты, овеянный славою,
Держишь красотку за талию.
— Знаю, — сказал я, — душа моя,
Эту твою ирреалию.

Но объясни мне доходчиво
Смену в твоём настроении?
Как над иссохшею почвою
Сад ты взрастила сиреневый?

Это бывает особенно
После прошедшего тучею
Ливня, но где же феномена
В этом причина-то случае?

2.

Стал минаретом семинар.
И воспылал анахорет.
Когда, как музыка цимбал,
Она прошла, даруя свет.

Мгновение остановись!
Остановилась впереди.
Продлись, мгновение, продлись!
И сновиденье закрепи.

Ты фантастических речей
Немало слышал на веку,
Но ты не слышал речь очей,
Испепеляющих тоску.

Так тени прошлого бегут
Перед сверкнувшею мечтой,
Так наклоняется сосуд
За побежавшею водой.

Так на безжизненность равнин,
На чум, что наледью оброс,
Проглянет солнце из пучин —
И зарыдает эскимос.

Он зарыдает, одинок,
Он затанцует с ружьем,
А задержись оно денёк,
И зазвенел бы мертвецом.

Вот почему ты слышишь шум.
Се уязвлённая душа
Всей кроной чувств своих и дум
Трепещет, зелень взвороша!

ИТОГ

Я буду вам смешон
На озере Кривом
Частично погружен,
Частично отражен,

Частично одинок,
Поскольку без подруг.
Но вот плывет малек
Ноги моей вокруг.

А сверху по прямой
Летят ко мне слепни,
Проходят под рукой,
Заходят со спины.

И в этот острый миг
Я чувствую размах
Понятия любви
Между «сю-сю» и «трах».

Вот трепетный малек
Мне делает «сю-сю».
Не будет ничего —
Поэтому люблю.

А грязный и срамной
Слепень уже сосет.
И трахну я его —
В оргазме пусть умрет.

О чистая вода,
Желанна ты одна!
И лучше мне когда
Не чешется спина.

Я подвожу итог
Раздумиям своим,
И всех люблю как Бог,
И чувствую Взаим!

СЕРГЕЙ КОРЕНАСТОВ

ЖИЗНЬ

Жил парнишка, делал он в заводе
На станке детали, прочих дел
На своей не делал он работе —
Не умел, а может — не хотел.

А, быть может, и не надо было
Ничего другого делать там.
Целый день скрипит в цеху подпилоч,
Руки сами тянутся к винтам.

Паренек тот, неплохой по сути,
Сгинул из завода, и — забыт.
А на месте паренька компьютер
Лампочкой мигает и гудит.

* * *

Словно Солнце она непорочна,
И вблизи ее, в жизненной мгле
Я кругами и денно и ношно
Обращаюсь подобно Земле.

Зачарую своими кругами!
Только слышу: «Который уж век
Все он крутится перед глазами,
Непонятный, смешной человек».

Может лучше, надежней, вернее,
Чтоб объятий добиться одних,
Раз в столетье кометой Галлея
Прилетать из глубин мировых.

ФАНТАСТИКА. XXIII ВЕК

Я на кнопку рукой нажимаю,
И любимую обнимаю.

Заработал могучий мотор,
И открылся межзвездный простор.

Как пылинка, кабинка во тьме,
К ней лучи протянулись извне.

Ни любви, ничего не хочу,
Поднимаюсь туда по лучу.

Там безмерное пиршество взору
И неведомые просторы.

Там на кнопку опять нажимаю,
И тогда уж совсем исчезаю.

ГАРМОНИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Ты бежал сто километров
С механическим лицом,
Со слюнявым сантиментом
С детства был ты незнаком.

А теперь на пианино
Ты играешь не спеша,
Чтоб, страданий половина,
Из тебя ушла душа.

Освеженный полнозвучьем
Ум готов для новых дел,
И в предвиденьи научном
Ты выходишь за предел.

И различные народы
По спирали винтовой
Набирают обороты,
Чтоб угнаться за тобой.

А бегун-летун крылатый
Без оглядки семенит,
И в ладони узловатой
Факел разума горит.

ИЗ КАТУЛЛА

Всем бывшим и будущим
антиалкогольным указам
посвящается

Последним пиром кафедральным
Суровый встретили закон,
И исполнять его исправно
Теперь готовы, о, Нерон!

Тебя мы пели возвелича,
И каждый пылко проклинал
Сей древний, варварский обычай
И сей наполненный фиал.

И проклинаемое сами
Уничтожали мы дотла,
Когда, незримый, между нами
Ты сел у круглого стола.

И слушал клятвы и моленья
Ты с выраженьем — о, Нерон! —
Рассеянного одобренья,
Уже иных видений полн!

* * *

В доме заплесневевшем
Живу со Степаном,
Изрядно мне надоевшим,
И — со стаканом.

А под окном фальшиво
Поет Иванов-пропойца
О сшибках, о злых ошибках,
О разных своих геройствах.

Целуюсь с красоткой Зиной,
Беру ее на колени.
Заважничала, вообразила,
Думает об измене.

Капризничает, надулась,
Ах, значит, житья иного
Она захотела, дура,
От пения Иванова.

В Степана уперлась взглядом.
Потемки — ее душонка.
Ну что ей такого надо?
О взбалмошная девчонка!

Безжалостного обмана
Мне не снести такого!
... Уходит она со Степаном,
Под пение Иванова.

И ТЕБЕ!

Кто-то утром бросает в ящик
Мне записку, в ней пара фраз.
Просит тот неизвестный заказчик
Написать про него рассказ.

Карапузик бежит с лопаткой,
С визгом, с писком: — Дяденька, здрась!
Дай конфетку, дай соколатку,
Напиши про меня рассказ! —

Кто сидит в тишине за вязаньем?
Вижу взгляд укоризненных глаз.
Этот взгляд переходит в лобзанье:
— Напиши про меня рассказ! —

В орденах, подбоченьясь браво,
Генерал мне дает приказ:
— Стой! Равняйся! Шагом марш направо!
Написать про меня рассказ! —

Честь отдав, ухожу по плацу —
Не сидеть бы мне на «губе».
Подносите бумагу, братцы,
Напишу и тебе, и — тебе!

* * *

А. Каушанскому

Бывало речь течет обиняками,
Действительности непригляден вид.
Он подойдет, и тикает часами,
Блестит очками, внятно говорит.

И в век сей пагубный, где светлого так мало —
Смерть истины! Рожденье ложных вер! —
Не следует тужить о крахе идеала,
Вот — положительный, в конце концов, пример!

* * *

На поляне буйное цветенье.
Молодой поэт среди травы.
Ветер пошевелит листья — тени
Лягут на него из синевы.

Их перемежают равномерно
Солнца пятна с четырех сторон,
И потерян он для мира, верно,
Некой пестрой сетью уловлен.

ПЕСЕНКА АЛЬПИНИСТА

Карабкаюсь по круче,
Но вдруг наскучит свет,
Покажется, что лучше
Тебя на свете нет.

И путь на половине
Прервав, спущусь опять,
Затем чтоб на равнине
Тебя почти догнать.

ПЕРЕВОСПИТАНИЕ

(диалог со смертельным исходом)

Петров

Жизнь, конечно же в том,
Чтобы эх, вашу мать,
Мускулистым лицом
Энергично играть.

Энергично играть
Мускулистым лицом,
Руки крепко сплестать
Вокруг жертвы кольцом.

И в а н о в

О, мой милый, одно
Ты навеки пойми:
Гумани, гумано,
Гумано, гумани!

Посмотри, среди нив
Прорастает зерно,
Гумано, гумани,
Гумани, гумано.

К Солнцу, к свету оно
Устремилось, взгляни,
Гумани, гумано,
Гумано, гумани.

И растение над ним
Оплодотворено.
Целый колос мы зрим,
Гумани, гумано.

Так давай же и мы,
Ты да я, заодно,
Гумано, гумани,
Гумани, гумано.

Встань же рядом со мной,
Дай тебя мне обнять...

П е т р о в

Гумани, гумано?
Зерна в душу бросать!?

Уж таким молодцом
Родила меня мать, —

Как наставлю лицо!
Как начну им играть!
Как схвачу, Иванов,
Поперек, вдоль спины!
Вот тебе гумано!
Вот тебе гумани!

(Хватает Иванова
и играет лицом).

И в а н о в

О, со мною побудь,
О, восторг нестерпим,
Давит плечи и грудь,
Мы с тобою летим!

О, мой добрый, прощай,
Напоследок одно
Еще раз отвечай:
Гумани-и-и?

П е т р о в

Гумано!!!

(К о н е ц).

* * *

Я какой-то новый великий,
Пред моим сияющим ликом
Тьма бледнеет, как от зари.
Я волшебным словом владею
И несу я мою идею —
Боже правый, черт побери!

Было так, что в лучах светила
Море волны свои катило,
И кипело что-то во мне,
Что-то билось и клокотало,
И туда и сюда летало,
И мерещилось в глубине.

Я поднялся на серый камень
И увидел небесный пламень —
Чье-то око горело там.
И о том, что судьба судила
Мне увидеть, и как все было,
Я еще расскажу векам.

* * *

Воздушная волна, произведенная
Движением ресниц твоих, достигла
Лба сморщенного, утомленного
И, освежив его, утихла.

И облачко духов, сим ветерком гонимое,
Приплыло вдруг, у носа завитало.
Я чувствую твое необъяснимое
Двойное действие — цветов и опахала!

А вот сама! Красотка, что сие?
Вот локон зрю! Вот с локтем что-то сходное!
О, не двойное действие твое —
Оно тройное, пятикратное, бессчетное!

* * *

О, пышная Роза Коврова,
В сияньи достоинств своих
На месте не выше второго
Стоять тебе, сердце скрепив.

К нам первая едет — Елена!
О, Роза, ты видишь ее?!
Не надо морщинить надменно
Лицо молодое свое.

Учись красоте той редчайшей,
Смотри ей, смиренная, в рот,
И все, что возьмешь распрощавшись,
В свой личный введи обиход!

* * *

Пока еще полураскрыты
Глаза красавиц,
В лугах, прохладою омытых,
В траве роса есть.

Беги туда, пока не поздно,
Легко, отважно.
Там это солнце, этот воздух,
Там все — однажды!

Побудь немного, и — обратно!
Красавиц очи
Раскрылись и черны как пятна,
Как пятна ночи.

Негодованием законным
Полны те пятна:
— Ты повидал росу в бутонах? —
Беги обратно!

* * *

Л. К.

Подходит утро, ночь миновала, —
Все без обмана.
Зари полоска — его сигналы —
И дым тумана.

И в виде некой природы малой
Ты встретишь утро,
Мазнув по губкам помадой алой,
Вздымивши пудрой.

Саму природу ты удвояешь,
К заре ревнуя,
Коварный выбор предоставляешь, —
Ту? Иль иную?

* * *

— Что за жизнь? Какого черта? —
Вопрошаю я подруг, —
Словно мылом вы натерты
Ускользаете из рук. —

Мысля так, бегу по лугу
В окружении стрекоз,
Догоняя, как подругу,
Птицу, севшую в покос.

Только птица убегает
По покосу во всю прыть:
— Птица, что тебя пугает?
Птица, дай тебя схватить! —

Нет ответа от пичуги.
Из под ног взлетает ввысь.
Нет ни птицы, ни подруги —
Отчего такая жизнь?

Р Е Н У А Р

Солнце садилось. Пятнилась, струилась
Нежная зелень и желтизна.
Юная девушка вдруг появилась:
— Как это грустно! — сказала она.

Взгляд перевел я на листьев обвалы,
В желто-зелено-розовый свет.
— Вижу, — я ей отвечал, — Ренуара!
И ничего тут печального нет.

Листьев и солнца лимонные дольки.
Ими украшена ширма листвы.
Ах, не хватает здесь девушки только —
Милой и юной, такой же как Вы!

Ведь в обрамлении листьев и веток
Смотрятся девушки лучше всего.
Милая, встаньте под дерево это,
И прикоснитесь-ка к ветке его!

МАЛОРОССИЙСКОЕ ПРЕДАНИЕ

Луна уже видна на небе.
Струится запах неземной.
Ах, в эту ночь и быль и небыль
Сосуществуют под Луной.

Невольно запахам внимая,
Плывущим над моей скамьей,
Я думаю: кто ты такая?
В чем замысел волшебный твой?

Цветочный запах все сильнее,
Все ближе цокот каблучков.
Запели птицы, и в аллее
Согласно грянул хор сверчков.

Твое угадано призванье!
Так раскрывай передо мной
Известное тебе одной
Малороссийское преданье!

* * *

Вышел в роскошную осень с тетрадью
С мыслью — скопировать и унести.
Красные клены стояли как братья,
Каждый листок выпускал из горсти.

Между стволов я поставил треногу.
Клены вблизи, а вдали —
Красное солнце пустилось в дорогу,
Только часы потекли.

Вот над бумагой нетронутой, белой
Лучик последний погас,
И пораженный догадкой смелой
Я приподнялся тотчас!

Листья лежали кругом в беспорядке.
Очередной вдруг упал с высоты.
В ту же минуту захлопнув тетрадку,
Я заключил его в эти листы!

* * *

Не сожигай меня, Пламида,
Ты тихим, голубым огнем
Очей своих...

Г.Р. Державин

Волшебные закаты
В присутствии звезды,
Явление рогатой
Луны из пустоты.

Ты слышишь ли, как в чаше,
Сокрытый меж ветвей,
Защелкал настоящий,
Тот, прежний, соловей.

Пламида, все как надо,
Как двести лет назад, —
Сияние, прохлада,
И озеро, и сад.

От колоннады дома
В безмолвии ночном
По краю водоема
Вдвоем с тобой пойдем

Между фонтанов спящих,
Между фигур немых,
Стоящих и сидящих
Героев дней былых.

Лишь на замшелых плитах
Гробницы родовой,
Плющом, вьюнком увитых,
Задержимся с тобой.

И я скажу: — Пламида,
Возлюбленная мной,
Что памятью забыто —
Удержано мечтой.

Останемся в сих кушах,
Полюбим этот дом,
Где грезы о грядущем
Есть память о былом.

* * *

В каменоломне слов
Тружусь я, карлик малый, —
Добытчик образцов,
Натуралист обвалов.

Долблю день ото дня,
Ничтожный, без успеха,
Досадливо гоня
Смеющееся эхо.

И думаю о том,
Что в некий миг отрадный
Вложу я ржавый лом
Между камней громадных.

И дрогнет до основ
Под каменной лавиной
Каменоломня слов
Во славу исполина!

ПОЭМА МОРЯ

Не случилось бумаги со мною,
Но случилась мечта и, в руке
Сжавши трость, я строка за строкою
Нацарапал стихи на песке.

И когда две пурпурные зори
Вечер с утром сцепили кольцом,
К возбужденно шумящему морю
Поспешил, бронзовея лицом.

Где вчерашнее стихотворенье?
Гладко вылизан мокрый песок!
К морю с белою пеной волненья
Я прошел через пляж поперек.

Море, выйдя за край в час прилива,
Погловило поэму мою.
И в кипении пенно-игривом
Я смущенно ее узнаю!

ОСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ

Промчалась облачная стая,
И вышла полная луна.
Подробностями обрастая,
Вся местность сделалась видна.

Тряслись березы и осины,
Выл ветер в глубине дупла
И выдувал из сердцевины
Остатки летнего тепла.

* * *

У края зеленого леса
Жил человек одиноко,
Вечером под навесом
Он сидел у порога.

— «В этом, в целом прекрасном,
Мире» — он молвит слово —
«Много событий разных
Без стиля и без основы.

Вздор, суетливая пресса,
Шум о пустом и праздном...» —
Мотивы воды и леса
Играют в нем неотвязно.

Вот облетают чаши,
И наступает осень...
Что там?
— «Пейзаж изяшный,
В стиле холмов и сосен!»

МОНОЛОГ ПЕТРОВА ПРИ ПРОБУЖДЕНИИ

Уж утро. Небо голубое.
Где облака?
Как утро — снова все иное:
Поля, река.

То — радуга, то катаклизмы
Сулит гроза.
О, смена интерьеров жизни, —
Род колеса!

Но не случайно после зноя
Туман росист.
Я знаю, что тому виною.
Я — даосист!

И я цвету, как эти розы,
Лечу, как прах.
То жизнь моя грубее прозы,
То — как в стихах!

ГРУСТЯЩИЙ ПЕТРОВ

Распахнув окно и душу
В полисадник небольшой,
Ты сидишь. Я не нарушу
Твой задумчивый покой.

У окошка с папироской
Ты печальный и блажной.
Пожелтевшая березка
Помавает головой.

Лист роняет с ветви темной,
Головою покивав.
Бесприютный, безнадзорный
Он ложится на рукав.

День пройдет, наступит вечер,
Просидишь до темноты,
И на спину и на плечи
Упадут тебе листы.

Как сады и огороды,
Как деревья и кусты,
Как осенняя природа,
Так же пожелтеешь ты...

* * *

На перекрестке старых улиц
Метается безумный клен.
Что хочет он? Чтобы проснулись?
Чтобы метались как и он?

Одно окно горит напротив,
В нем свет не гаснет напролет.
Рублем последним тете Моте
Жилец заплатит за расход.

Поэт, шумящий как природа,
Живет напротив в доме том.
И от заката до восхода
Они шумят, шумят вдвоем.

* * *

Я отбрасываю вашу
Чашу с истиной в вине!
Я хочу иную чашу,
Где страдание на дне!

Эта чаша со страданием,
Милым сердцу моему.
С плачем, воплем и рыданием
Я сейчас ее приму.

И галантно у Наташи
Чашу я прошу из рук:
— О, Наташа, дай ту чашу,
Со страданием, мой друг!

ЛИСТ

Лист иногда шумит
На веточке зеленой,
Трепещет и в зенит
Стремится непреклонно.

Внушая романтизм,
Внушая сентименты,
Слезу, идиотизм
И прочие моменты.

А иногда висит
В ручье порой холодной,
Как архимедов винт
Вращаясь в толще водной.

Холодный механизм
Природы обнажая,
И всякий модернизм
Безмерно превышая.

СУДЬБА

Произносят бессмертное слово,
Надевают лавровый венок.
И, увы, окончанья иного
Для себя я придумать не смог.

Вот завалят сверх меры венками,
В руки лиру насильно дадут,
И придут со своими стихами,
И потребуют праведный суд!

СЛАВА БЕТОНОВ

* * *

Пустое, голодное племя.
Тусовки, попойки, балдеж.
Проводим мы с легкостью время,
Которое не проведешь.

* * *

Как жаль, что в итоге конечном
Никто и не вспомнит о нас,
Поскольку огонь будет вечным,
Покуда не кончится газ.

* * *

От мыслей этих аж дыханье сперло,
Но правды голой нечего бояться:
Вчера ты продал ваучер китайцу,
А завтра он возьмет тебя за горло.

* * *

Курице внушали с детства:
Хочешь жить — умей вертеться.
И тому всю жизнь учили.
Вертится. Как может. В гриле.

* * *

Я на одном вопросе ставлю крест,
Который до сих пор стоял ребром:
Сегодня ты не оплатил проезд,
А завтра ты убьешь старуху топором.

* * *

Вот стою я, как Саша Матросов —
Котелок то не варит, то варит:
Впереди фашистские гады,
Позади советские твари.

* * *

Я на классику зла не держу,
Рядом с ней и живу, и дышу,
И не просто ее почитаю,
Но листаю, читаю, пишу.

* * *

Скрывать надоело, скрывать не хочу
Причину финансовой шаткости:
Я львиную часть гонорара плачу
Любимой сестре моей — Краткости.

* * *

Как верно заметил
Толстой или Ленин:
«Рожденному ползать
Не встать на колени!»

* * *

Назначили свиданье в среду,
Ты обещала дать ответ.
Я ждал тебя как референдум,
А ты опять ни да, ни нет.

ДУМЫ

В море жизни я плыву
В думах об одном:
Как остаться на плаву,
Но не быть ... ?

* * *

Играя худо или здорово
Судьбой назначенную роль,
От женщин мы теряем голову,
Приобретая головную боль.

* * *

Держи свой пистолет трубой
И будь напорист, тверд, вменяем.
Мы изменяем женщине с другой,
А значит, Женщине не изменяем.

ПРИЗВАНЬЕ

Такое призванье мое —
Расставить все точки над «е».

ПЕРЛАМУТРОВАЯ МУДРОГЛУПОСТЬ

Я сегодня забавный и славный,
И заманчивый словно сок манго.
Походняк мой воздушный и плавный,
Я танцую с коровами танго.
Дни заполнены чудными снами,
Так смешны ваши хитрые лица.
С неба облако машет штанами,
Демонстрируя вам ягодичи.
Но поверьте, оно не наглест,
Просто хочет, чтоб вы обратили
Ваши взоры туда, где белеет
Одинокий кораблик кобылий.
Он плывет, рассекая просторы
Невозможным зигзагом фантаста.
И на эти веселые вздоры
Кто-то «браво» кричит, кто-то «баста».
Но когда небосвод насладится
Полной порцией звездного супа,
И когда перестанут поститься
Перламутровые мудроглупы;
Растолкует из них самый главный
Мне янтарную истину в пиве...
Оттого я забавный и славный,
Замечательный, словно плод киви.

* * *

Когда закипит иван-чай,
С туманом ночных фонарей,
С мелодией дивной дверей,
Ворвусь я к тебе невзначай.

Ворвусь, как стихия, как свет.
Когда закипит иван-чай,
Тебя призову — не скучай!
Я самый — тот самый поэт,

Который, как Бог грохоча,
Спустился на землю с небес.
Когда закипит иван-чай,
Не будет преград у чудес.

Волнуясь, ты спросишь: «Когда
Случится все то? Отвечай!»
Я мудро напомню — тогда,
Когда закипит иван-чай.

В ОКРЕСТНОСТЯХ ГОРОДА К.

Когда за оградой сада
Светило находит свой склеп,
Поэты — мы искренне рады
Тому, что есть пиво и хлеб,

Тому, что есть место ночлега,
И что есть надежда пока —
К полудню попутной телегой
Добраться до города К.

Забыв про былую обиду,
Найти сад заброшенный, тот,
Где великолепная Лида
Возможно нас помнит и ждет.

Пусть даже нам будут не рады,
Не стоит скучать от того.
Уйдем мы из этого сада —
Дорога дороже его.

Вновь станем скитаться по свету:
Калькутта, Каир, Краснодар...
Для этого надо поэтам
Лишь ручку, бумагу и дар...

* * *

Праздник помойных ведер.
День рождения смерти.
Люди глотают небо,
Накинув петлю горизонта
На шеи канализаций.

Мозг выпадает в осадок.
Тело становится дряблым.
В этом отравленном мире
Жизнь превращается в муку,
Дарованную богами.

Души посажены в клетки,
Мысли загажены дрянью.
Снова смеется Последний
Над собственными делами,
Гниющими у дороги.

Это не песня плача.
Это — время абсурда
В образе лысой покрышки
На черепе гражданина.

К Л * * *

Скрываясь под маской невежды
Был вечер наивен и юн...
Носили с тобою одежды
Мы цвета малиновых лун.

Стыдливо сомкнула ты вежды,
Коснулась волнующих струн:
Растаяли наши одежды
При свете малиновых лун.

Свидетель таинственной встречи —
О, неисправимый шалун, —
За нами подглядывал вечер
Глазами малиновых лун.

* * *

Там, где лелеет заря
Легкое златокопье,
Властвует, блага даря,
Солнцезаренье мое.

Через леса и моря,
Через небес забытье
Двигается все озаря,
Так неумно горя
Солнцезаренье мое.

* * *

На грани воды и песка
Размыты черты берегов.
Течет пробужденья река;
Но тихая музыка слов

Сливается с песней костра,
Скрывая познания секрет...
Останемся здесь до утра
В надежде, что близкий рассвет

Развеет сомнений туман.
И мы поплывем по реке
Туда, где святой океан
Прибоем шумит вдалеке;
И где исчезает строка
На грани воды и песка.

В период холодных дождей
Так вдруг наступает тоска
На грани воды и песка,
Воды и песка...
И дрожжей.

* * *

В жарких загадочных странах,
Там, где цветет икебана,
Где колосятся бананы,
И кока-кола течет, —
В зарослях древнего сада
Дивная дремлет прохлада,
Нежится аж до упада
Целые дни напролет.
Хочешь, туда мы поедем?
Кошку оставим соседям.
Даже на велосипеде
Сможем добраться за год.
В той изумрудной прохладе,
Ты мне поверь, бога ради,
Как виноград в шоколаде,

Мы заживем без хлопот.
Вырашу я ананасы,
Делать из них станешь квасы.
Местные же папуасы
Будут хвалить твой компот.
Сядем давай на дорожку,
Ты успокойся немножко.
После посадим картошку,
Тоже мне — царь-клубнеплод.

В жарких загадочных странах,
Там, где цветет икебана,
Где колосятся бананы,
Где кока-кола течет...

НЕБО И ВЕТЕР

Мы пили коктейли
Из неба и ветра
С лимоновым солнцем
Под облачной пеной.
И вот оказались
От вечности в метре,
Набросив на плечи
Накидку вселенной.
И нам в этот миг
Оглядеться б немного,
Сродниться навеки
Со звездной метелью,
Попутчицей взять
Бесконечность в дорогу...
А мы заказали
Еще по коктейлю.

ОРДЕН СЛАВЫ

Со вчерашнего дня я достоин
Самой высшей награды страны.
Не артист, не банкир и не воин,
Но не эти таланты важны.

И завистники просто не правы,
Что как червь под землею прожил,
Что я даже и ордена Славы
Первой степени не заслужил.

Не гонял я несчастных на танке
И врагов на фаршмак не рубил.
Но вчера незнакомой гражданке
Место в транспорте я уступил.

И не ради дешевой забавы,
И не ради чего-то того.
В общем, Слава и в транспорте — Слава,
Даже если сей транспорт «Volvo».

КОЕ-ЧТО ИЗ ЖИЗНИ ГРИНА

Я явлюсь такой парусно-алый
В твой коммерческий бронеларек
После праздника, жутко усталый,
Чтоб испытать помидоровый сок.
Я ворвусь к тебе без автомата,
Назову наш условный пароль.
Ты предложишь мне сок из томата,
Я спрошу: «Только сок?»
Ну, Ассоль!»

* * *

Смотри — начинается лето, —
Я как оглашенный кричу
Из красного кабриолета, —
Садись, я тебя прокачу

Туда, где зазывно алеет
Заката рекламный плакат.
Пусть ветер от нас ошалеет.
Извилист наш путь и покат.

Умчим в неоглядные дали,
В наполненный тайнами лес.
И только нас всех и видали,
Как в сказках Бетонова С.

Но, правда, взимается плата
За это, и выбора нет —
С последним мгновеньем заката
Растает наш кабриолет.

Печально?.. Но счастье не в этом.
В ином ты его улови:
Пойми, началось наше лето
Простой и великой любви.
А значит, теперь будет славно,
Все будет, поверь мне, у нас.
Уже присмотрел я недавно
Немного подержанный «ЗАЗ».

* * *

Буря смолкла, ветер стих.
Слава слаживает стих.

Так не каждый может скласть,
На лопатки всех покласть.

Гляньте влево, гляньте вправо:
Всюду вечность, всюду слава.

Гляньте вправо, гляньте влево:
Всходят всходы от посева,

И уже комбайн души
Притулился у межи.

Ждет у моря он погоды,
Чтоб собрать весомы плоды.

Но видать еще не скоро
Злак дождется комбайнера.

А покуда ветер стих,
Слава слаживает стих...

ТИБЕРИЙ ЗАКАДУШНЫЙ

* * *

Exigi monumentum.

Малые дети меня обступили,
Я машинально проверил карман.
— Дяденька, очень бы вы удружили,
Очень помочь вы сумели бы нам,

Если бы, если бы, зная про это,
Нам рассказали, где он здесь жил,
Тот, кто высокое званье поэта
Всею судьбою своей заслужил.

— Милые дети, смотрите и плачьте,
Вот его дом, и подъезд, и этаж,
Вот он и сам, вдохновеньем охвачен,
Вот он — поэт аскетический ваш! —

Волны не бьют с таким шумом о берег,
Как закричали в восторге они:
— Долго любезен ты будешь, Тиберий,
Малым народам великой страны!

ИЗ ТРОЛЛЕЙБУСА

«Во-вторых, сила и продолжительность
половой любви бывают такими, что
невозмо...»

К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч.Т.21, с.80.

Случайная встреча, ласкательный лишь эпизод,
Как будто случайно открытая ляжка ноги.
Как вы угадали? — Напротив действительно тот,
Кто любит гражданок, а вынужден будет — княгинь.

И, так размышляя о нашем несбывшемся Зле,
Я медленно брел с остановки на биржу труда.
И горько мне стало, что нету его на Земле,
Того Коммунизма, о коем мечтал я всегда!

ДВОЙНИК (жестокий романс)

Я ее опечатывал страстью,
Как особой закалки вино,
И спускал, прикоснувшись к запястью,
Как собаку, на самое дно.

И она возвращалась под вечер,
Да, под вечер на завтрашний день,
И кикбоксингом глаз был отмечен,
И под грудью лежала сирень.

— Не ходи, — я шептал, — дорогая,
Как собака, на самое дно.
Там лишь шайка одна воровская
Да в нечистой посуде вино.

— Это так, но в любимце подвала, —
Отвечала она, трепеща, —
Я тебя, мой желанный, признала
И решила с тех пор навешать.

— Коли так, за себя я уверен
И нисколько к себе не ревнив,
Но колись: Закадушный Тиберий —
Это подлинник, или — двойник ?! —

И она убежала под вечер
Да, под вечер на завтрашний день,
И кикбоксингом глаз был отмечен,
И под грудью лежала сирень.

К Е М Б Ы Т Ь

Хорошо бы собакою быть,
И красивые лапы сложить,
И лежать, и смотреть на людей,
Как грызут они кости идей.
Но достойней вороною быть,

И антенну себе отхватить,
И сидеть, и антенну качать,
И вверху самолеты считать.
А потом оглянуться на двор,
И увидеть, как крадется вор,
И его христиански простить,
А собакою вовсе не быть!

БЕЗЖАЛОСТНОЕ «НЕТ»

(элегия)

Она сказала «нет», — и робкая надежда
Оборвалась, погасла, как свеча.
В ее глазах — надменная безгрешность,
В моих глазах — угрюмая слеза.

Она сказала «нет». Мечты, где ваша сладость?
Ведь я так ждал ее ответа «да».
О, не каприз, не чувственная жадность
Меня вели несчастного сюда.

Я был достоин. Как я был достоин
Все получить, что дать она могла!
И расписаться трепетно настроен
Я был! Но «нет» она произнесла.

А ведь могло быть то ее шуршанье,
Тот обоюдно осторожный такт,
То удовлетворение, что втайне

И все же — «нет». Она не виновата!
Ведь все мы жертвы непонятных лет.
С подобострастьем евроазиата
Шепчу: «Зарплата...
Есть?»
А мне кассирша:
«Нет!»

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЖЕНЩИНЕ

Мужчина врет, — скажу: — Дурак. —
А женщина?
Марать не надо.
И про нее скажу я так:
— Ша-
херезада!

КОРЕНАСТОВ

Весна была в том возрасте, когда,
От безъязыкой дикости воспрянув,
В собраниях упрямых ветеранов
Все пьют за возрождение листа.

Мы двигались по парку не спеша.
И я сказал: — Учтите, Коренастов!
Где деревья посажены столь часто,
И где меж ними дети мельтешат,

Навек у сквера скверная земля,
Безжизненная, голая, глухая. —
Но Коренастов, что-то примечая,
Нагнулся вдруг, бровями шевеля.

— Позвольте, Закадушный! Где же голь
И глухота? Тогда, как вдохновенье,
По всей земле какое-то крапленье:
То дырочка, то кучка, то мозоль! —

Я рассмеялся: — Это коготков
Собачьих ног следы и ножек птичьих. —
Но Коренастов выбросил с величием
Окурный палец — скипетр мудрецов.

— Червяк! — сказал он — Се червяк копал! —
И молча руку я ему пожал.

БЕТОНОВ

Я следил за воробьями
Из раскрытого окна.
Вдруг приятными словами
Прервала меня жена:

— Ясновидец ты, Тиберий!
Кто бы что не говорил,
Ты один в поэта верил,
И тебе он воздал. —

Я хватаю в нетерпении
Лист газетки небольшой
И в сердечном потрясении
Отдаюсь ему душой.

Наконец-то, наконец-то
Слышу родственную речь,
Атлетическое скерцо,
Паралич меня калечь!

Это Слава, Слава Богу,
Слава Богу гимн запел,
Он покрыл свою дорогу,
Но Парнас под ним осел.

И из Тартара глухого
Слышу Славины слова,
Подтверждающие снова,
Что Бетонов — Голова!

* * *

О ты, о женщина, которой
Никто не хочет получить,
И для тебя есть муж моторный,
Способный истово любить.

Он презирает поученья
Порнографических столов,
Он ищет чудного мгновенья
И аскетических основ.

Он возникает пред тобою
Как душевед и душелюб,
И аскетичной красотою
Парит, твоих касаясь губ.

Ты удивляешься, ты никнешь,
И сам собою разговор
Кончается, когда ты скинешь,
И начинается:
Мотор!

И не на выжженной эстраде,
А на возвышенном плюше,
Вотще сокрытая от граждан,
От телевизора — вообще,

Ты обнаружишь, ты согласишься,
Что страсть есть жизнь, а жизнь есть сон,
Что есть на свете лишь Тиберий,
Что есть на свете только он!

ДЕВЯТНАДЦАТЬ НЕГОДЯЕВ

Девятнадцать негодяев,
Прикрываясь непогодой,
Подпалить решили школу
По указке ЦРУ.

В это время мимо школы
С кривоногою собачкой
Шел учитель физкультуры
И задумчиво курил.

Носом чуя преступленье,
Разъярилася собачка,
И удрали негодяи,
Разливая поджигон.

А учитель физкультуры
Стал смеяться как безумный,
Так что в лужу поджигона
Свой окурок уронил.

Запылала сразу школа,
И заплакала собачка,
Потому что там, в буфете,
Ей давали молочко.

И угрюмо согласился
Арестованный учитель
С положением Минздрава,
Что курение есть Зло.

Вот историю какую
Рассказал на радость людям
Я, Тиберий Закадушный,
Аскетический поэт.

ЧУНДРА — МУНДРА

Как зверь таинственный в Лох-Нессе
Живет, не помнящий родства,
По сути дела не известен
Я для людского большинства.

Им овладела Чундра-Мундра,
Махабхарата, Шамбала,
Очаровала Кама-Сутра,
На Джомолунгму позвала.

Там, там торчит за облаками
Зловещий зуб монастыря,
Там ламы жадными глотками
Глотают прану почем зря.

И чудится ему ночами
Катаклистический провал,
И опускается урчащий,
Всепоглощающий Астрал.

Слова, ужасней, чем К У К У Р А,
Приходят сами по себе,
И дикость смотрит как культура
В своей дремучей простоте.

Чего еще? Какая чакра?
Тибет, Алтай, махатм прищур?
Какой предуготован сакра-
Ментальный жрец, пророк, вешун???

.....

Как зверь таинственный в Лох-Нессе
Живет, не помнящий родства,
По сути дела не известен
Я для людского большинства.

ЧУВСТВО ЧУДА

И столицу и село
Украшает НЛО!

Над Малеевкой висел,
Заставляя опасаться,
И таинственно блестел,
Намекая собираться.
Оказалось — никто не успел.

Затем,
Или раньше,
Три рыбака,
Глаза от крючка устремив в облака,
Нашли в облаках серебристое чудо,
По виду — решительно неотсюда.

Река
Так четко объект на себе отразила,
Что месяц спустя
Старушку нездешняя сила пленила,
Когда отражение это подплыло,
Фантомно блестя.

Грустя
О бедной старушке,
Я чувствую силы
Покинуть за нею сей берег унылый.
Тарелку пою!

Все ниже снижается эта посуда,
Из люка глядит человек неотсюда,
Еще до объятий я чувствую чудо:
Себя
Узнаю!

УСТАНОВКА

Толику Кашпировскому

Когда свободен мыслящий народ,
Не верить в чудо более чем странно.
Она открыла чувственный живот
Слепящему мерцанию экрана.

Могучий маг уперся ей в мозги,
Но установку выдал не по силам, —
И ум от напряжения раскис,
И доля воли сократилась.

Тогда она, бессмысленно чертя
Пространство опаленным взглядом,
Поймала через зеркало себя
И ужас дна почувствовала задом.
И будущее рухнуло пластом
На весь закатно-грезовый Рейкьявик.
А в этот миг мужчина входит в дом,
Обледенев, как айсберг в океане.

Могучий маг разит его в мозги
И установку делает по силам.
Немедленно чем заражен из книг
Мужчина топчет как Атилла.

Затем, вокруг осмысленно чертя
Пространство раскаленным взглядом,
Он достигает в метре от себя,
Пылая адом.

И будущее, лавою урча,
По комнатам задвигалось спонтанно.
И женщина в очах его прочла
Закон вулкана.

Спасибо, маг! Ты делаешь альянс.
Давай, ты будешь президентом!
Верни животворящий дисбаланс
Своим несчастным пациентам!

КИТАЕЗА

Пописал немного,
Попил чаю,
И замечаю,
Что снова пишу.

ПРОМЫСЕЛ

Повсюду промысел я вижу Сатаны.
Вот первоклассник емкости Весны
Резиной сапога усердно измеряет.
Две лужи покори́л, давай еще одну!
Но что его влечет на глубину?
Рассудок мой молчит, но сердце повторяет:
Уловлен Сатаной, он тешит Сатану!

И пусть мне скажут: честный мальчуган
Не замочившись выполнит свой план.
Но я то знаю: силы Зла не дремлют.
Сухой малец достанет коробок,
И сунет спичку в каждый бугорок,
И до июля опроказит Землю.
Чу, бултыхнулся. Слава тебе, Бог!

Д Р О Н

На изломе желанных чудес,
Затмевая жилище дроново,
Возвеличился сказкою лес,
Кроны расправив троново.
Отыскрился полуденный зной,
Преломляясь прохладой помалу...

...Можно видеть нагой природу
Только с нею наедине.

Е. Храмцов «Лесной этюд»

Соблазнительно видеть природу нагой —
Без всего, что неоново и бетоново.
И забрался в соломово я с головой
И слежу за природой шпионово.

Вот она, чудеса расправляя свои,
Отсмеркалась прохладой как следует.
Фанфароново свишут над ней соловьи,
И фантомово филин беседует.

Я шепчу: «Обнажись! Посторонних здесь нет,
Где березы торчат макареново.
Только Брэмово — я, только Лемово — свет,
Только звезды сверкают пистоново.»

И она насекомово флорой шуршит,
Обнажаясь матроново, дремово...
Тут я обмер. Не дрон ли из чаши бежит?!
Да как зыркнет в укрытье соломово!

Брр!!!

Сквозь дрынность я рвал как шальной,
Он когтил и срамил меня громово,
Он сифоново выл у меня за спиной,
Что соломово дроню — домово!

А когда проскользнул я в квартиру как вор,
Налетела супруга драконово.

Я — пардоново!!!

В общем, природу с тех пор
Созерцаем лишь вместе.
Балконово.

ЖИВА ПОЭЗИЯ!

Когда я слышу, что мертва
Поэзия, что в силе проза,
Себя я чувствую едва
Не в состоянии психоза.

Когда б была она мертва,
Откуда б взялись повсеместно
Столь аппетитные слова
И столь звучащие прелестно,

Как чартер-бартер, как дисплей,
Приватизация, маркетинг?
Утихни, проза, околей, —
Твой имидж не стяжает петтинг!

Жива поэзия! Как встарь,
Когда, любя госбезопасность,
Ласкал центральный секретарь
Еще молоденькую гласность.

И мы, любуясь языком,
Родным, его призывом млечным,
С ним повторяли: избирком,
ОМОН и «эс-ка-вэ» (конечно!).

И всё — поэзия! И как
Коитус по закону секса —
Так обязательный бигмак,
Опять коитус и — консенсус.

О муза! Ты растешь в цене,
Зане поэзии едино:
Сидеть в Матросской Тишине,
Иль с президентом у камина.

Зане предписано блистать
Ей эксклюзивами такими,
Что от желания понять
Мозги прозаиков заклинит.

Так что увяньте, господа, —
Поэзия живей, чем проза,
Причем живет навсегда,
Как дача навсегда колхоза!

СОДЕРЖАНИЕ

ОЛЕГ БАРАБАНОВ

Девиде, предпочитавшей Есенина	3
Silentium	4
Феи, пчелы и цветы	6
«Не раз удаче улыбнешься...»	7
Педагогическая поэма	7
Акrostих	9
Акrostих	10
Куртуазным маньеристам	10
Альбатрос	11
Феминоза	12
Совокуплет с весной	13
Мой саркофаг	14
Будет!!!	15
Баллада о стюарде	16
Почтальон	18
По-братски	20
Я — всем	21
Аппендицит Христа	23
Весна профессора	23
Палата N5	24
Все в мире	25
А я хотел бы	26
Поэт и дева	27
Женский праздник	28
Поглощение	29
Чего-то не хватает	29
Минарет	31
Итог	34

СЕРГЕЙ КОРЕНАСТОВ

Жизнь	36
«Словно Солнце она непорочна...»	37

Фантастика. XXIII век	37
Гармонический человек	38
Из Катулла	39
«В доме заплесневевшем...»	40
И тебе!	41
«Бывало речь течет обиняками...»	42
«На поляне буйное цветенье...»	42
Песенка альпиниста	43
Перевоспитание	43
«Я какой-то новый великий...»	46
«Воздушная волна, произведенная...»	47
«О, пышная Роза Коврова...»	47
«Пока еще полураскрыты...»	48
«Подходит утро, ночь миновала...»	49
« — Что за жизнь? Какого черта?...»	49
Ренуар	50
Малороссийское преданье	51
«Вышел в роскошную осень с тетрадью...»	51
«Волшебные закаты...»	52
«В каменоломне слов...»	54
Поэма моря	54
Осенний пейзаж	55
«У края зеленого леса...»	56
Монолог Петрова при пробуждении	56
Грустящий Петров	57
«На перекрестке старых улиц...»	58
«Я отбрасываю вашу...»	59
Лист	59
Судьба	60

СЛАВА БЕТОНОВ

«Пустое, голодное племя...»	61
«Как жаль, что в итоге конечном...»	61
«От мыслей этих аж дыханье сперло...»	62
«Курице внушали с детства...»	62
«Я на одном вопросе ставлю крест...»	62
«Вот стою я, как Саша Матросов...»	63
«Я на классику зла не держу...»	63
«Скрывать надоело, скрывать не хочу...»	63

«Как верно заметил...»	64
«Назначили свиданье в среду...»	64
Думы	64
«Играя худо или здорово...»	65
«Держи свой пистолет трубой...»	65
Призвание	65
Перламутровая мудроглупость	66
«Когда закипит иван-чай...»	67
В окрестностях города К.	67
«Праздник помойных ведер...»	68
К Л***	69
«Там, где лелеет заря...»	70
«На грани воды и песка...»	70
«В жарких загадочных странах...»	71
Небо и ветер	72
Орден Славы	73
Кое-что из жизни Грина	74
«Смотри — начинается лето...»	74
«Буря смолкла, ветер стих...»	75

ТИБЕРИЙ ЗАКАДУШНЫЙ

«Малые дети меня обступили...»	77
Из троллейбуса	78
Двойник	78
Кем быть	79
Безжалостное «нет»	80
Хорошее отношение к женщине	81
Коренастов	81
Бетонов	82
«О ты, о женщина, которой...»	83
Девятнадцать негодяев	84
Чундра-Мундра	85
Чувство чуда	87
Установка	88
Китаеза	89
Промысел	89
Дрон	90
Жива поэзия!	91

*Директор издательства
Валерий Георгиевич Загурский*

Редакционная коллегия:

*Павел Борисович Артюшин
Владимир Владиславович Даманин
Елена Эрьевна Пак
Татьяна Алексеевна Титова
Любовь Аскольдовна Никифорова*

ЛР № 064519

от 25 марта 1996 года.

*Владимирская область,
г.Ковров,
ул. Маяковского, д.4, кв. 165
тел.: (8-232) 2-14-15*

*Издание отпечатано в областной
офсетной типографии:*

600036 г.Владимир, ул. Благодатная, д.3

Тираж: 1000 экз.

Новая цена

5000.00
у.ст. 29/96